

12.00.03 – гражданское право; предпринимательское право; семейное право;
международное частное право

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ОБЪЕКТ ЦИВИЛИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ (АКТУАЛЬНОСТЬ НАУЧНОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ)

Аннотация. В статье аргументируется суждение о том, что отсутствие легального определения экономической деятельности (иных категорий, например «пассивное предпринимательство») и, напротив, правовые позиции Конституционного Суда России, фиксирующие наличие категории «иная экономическая деятельность» в отношении ряда субъектов гражданско-правовых отношений, обуславливают актуальность соответствующих цивилистических исследований.

Ключевые слова: гражданское право, экономическая деятельность, предпринимательская деятельность, предпринимательство, предприниматель, право, законодательство, закон, суд, позиция.

PONOMAR Svetlana Panteleevna,
candidate of political sciences, lawyer
89152499928@mail.ru

ECONOMIC ACTIVITY AS OBJECT OF A CIVIL RESEARCH (RELEVANCE OF A SCIENTIFIC PERSPECTIVE)

Summary. In article the opinion that absence of legal determination of economic activity (other categories, for example «passive business») and, on the contrary, the legal line items of the Constitutional Court of Russia fixing existence of category «other economic activity» concerning a row of subjects of the civil relations cause relevance of the appropriate civil researches is reasoned.

Keywords: civil law, economic activity, business activity, business, businessman, right, legislation, law, court, line item.

Периодическое обращение автора статьи к цивилистическим трудам позволяет констатировать наличие, как думается, небезынтересного явления, связанного с тем, что малоизученной остается одна из наиболее универсальных категорий в теории гражданского права. Речь идет о понятии «экономическая деятельность», которое, с одной стороны, не определено гражданским законодательством, с другой стороны, является, как это будет аргументировано ниже, частью общественных отношений, составляющих предмет регулирования гражданского права.

Безусловно, констатировать полную «пробельность» в этом вопросе не прихо-

дится, но обращаются к нему, как правило, специалисты в области конституционного, административного права и значительно реже – цивилисты, причем нередко сужая сферу соответствующих научных изысканий.

Вместе с тем актуальность подобных научных трудов вряд ли может подвергаться сомнению; так, авторы указывают на «необходимость в серьезном исследовании такого правового явления, как «координация экономической деятельности» (наблюдаем такое «сужение»); причиной этого они справедливо называют «недостаточность легитимных дефиниций данного явления как правовой категории. В настоящее время единственное определение

понятия «координация экономической деятельности» содержится в п. 14 ст. 4 Закона о защите конкуренции. Кроме того, эта норма претерпевает постоянное обновление, последнее из которых было введено редакцией «третьего антимонопольного пакета» [4, с. 7].

Специалисты в области уголовного права формируют, как думается, не менее «узкое» определение анализируемой деятельности: по их мнению, «исходя из положений ст. 34 Конституции Российской Федерации под экономической деятельностью понимается свободное использование каждым своих способностей и имущества любым не запрещенным законом способом» [18, с. 362].

Вместе с тем очевидно, что формирование доктринальных формулировок экономической деятельности требует обращения и к другим статьям российской Конституции, в частности к ст. 8. Так, если ст. 8 Конституции России «говорит о свободе экономической деятельности, а предпринимательство в ст. 34 Конституции оценивается как вид экономической деятельности, то свобода предпринимательства оказывается вариантом свободы экономической деятельности. Свобода экономической деятельности по смыслу ст. 8 Конституции означает и свободу предпринимательства» [2, с. 47–49].

В целом представляется следующий алгоритм рассуждений С.В. Белых, суть которого сводится к тому, что ст. 34 Конституции России содержится в гл. 2, закрепляющей права и свободы человека и гражданина, и «поэтому формулу «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской деятельности» логично понимать как выражающую именно свободу предпринимательства. Поскольку, как нам представляется, свобода выводима, прежде всего, из свободы экономической деятельности (ст. 8 Конституции России), то она, как и свобода экономической деятельности в целом, приобретает статус одной из основ конституционного строя. Статья 8 содержится в гл. 1 Конституции России, закрепляющей основы конституционного строя [2, с. 49].

Однако в направлении реализации попытки дать характеристику понятия «экономическая деятельность» не менее продвинулись авторы, которые акцентируют внимание на том обстоятельстве, что положения о свободе экономической деятельности закреплены в двух статьях Конституции – 8 и 34; однако именно на основании анализа ст. 34 российской Конституции они формируют выводы о том, что в ней, «во-первых, конкретизируются субъекты права через использование слова «каждый». В контексте Конституции это слово следует понимать так: принцип распространяется на любого человека и гражданина, осуществляющего деятельность на территории Российской Федерации; во-вторых, вводится ограничитель меры возможного поведения – запрет, который может быть введен законом; в-третьих, понятие «экономическая деятельность» использовано как родовое; при этом, в силу социально-политических причин, специально указано на один из видов экономической деятельности – предпринимательскую деятельность, свобода осуществления которой, соответственно, при отсутствии запретов, установленных законом, также гарантируется» [2, с. 49].

Имеет место подход к уяснению сущности категории «экономическая деятельность», базирующийся на характеристике так называемых правовых режимов ее осуществления. Так, «общий правовой режим осуществления экономической деятельности – это основной (базовый) режим, который применяется к определенной группе общественных отношений (ограниченной сферой, отраслью, общностью целей и задач регулирования). В нем проявляют себя в полной мере основные начала, принципы отрасли (подотрасли) права. Он действует (как и большинство отечественных норм) бессрочно или, по крайней мере, довольно длительное время, обеспечивая стабильность довольно большой группы экономических отношений (сферы, отрасли)» [15, с. 81].

Однако эти авторы и сами справедливо отмечают, что в этом случае имеет место определенное отождествление изучаемой категории с «сектором» правового регули-

рования, зафиксированным в Федеральном законе от 31 декабря 2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации». В частности, эти исследователи пишут: «Как следует из легального понятия промышленного производства, действие Закона о промышленной политике распространяется на значительный круг отраслей экономики. Именно применительно к ним в полной мере могут быть реализованы закрепленные цели и задачи промышленной политики, основанные на совокупности ее принципов. Специальный правовой режим распространяет свое действие на [далее – выд. авт.] *ограниченный круг субъектов* (определенной отрасли, сферы деятельности, индивидуально-определенных), по-иному, в сравнении с общим правилом, определяя их правовое положение (*права, обязанности, ответственность*)» [15, с. 81].

Мы также можем попытаться разрешить поставленную нами задачу с формально-юридических позиций. Так, в контексте юридического формализма Н.Ф. Попова обоснованно отмечает, что «в законодательных актах не приводится определение *экономической деятельности*. Оно дается в Общероссийском классификаторе видов *экономической деятельности* ОК 029-2014, утвержденном Приказом Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст. [7] В соответствии с ним *экономическая деятельность* как процесс есть сочетание действий, приводящих к получению определенного перечня продукции. Это достигается тогда, когда объединяются ресурсы (оборудование, рабочая сила, технологии, сырье и материалы) и производственный процесс для создания конкретных товаров и услуг» [8, с. 8–20].

В этом плане более корректной представляется все же позиция, согласно которой «иная *экономическая деятельность*», не включаемая в *предпринимательство*, представляет собой разумную деятельность человека, прямо не направленную на получение прибыли, но предполагающую использование его способностей и имущества для удовлетворения материальных потребностей и интересов. Например, к такой деятельности могут быть отнесены:

игра на бирже и участие в лотерее, инвестирование сбережений, благотворительность и меценатство, организация ассоциаций и союзов без целей извлечения прибыли» [3, с. 146].

Итак, мы вряд ли могли игнорировать конституционные нормы (и, следовательно, позиции представителей науки конституционного, административного права), ибо Конституция Российской Федерации в ст. 8 и ст. 34 использует термин «*экономическая деятельность*», хотя и не раскрывает его содержание.

Однако, в силу очевидных причин, нас интересуют цивилистические исследования указанной проблематики. Безусловный научный и практический интерес представляют труды В.К. Андреева, который утверждает, что «гражданским и иным законодательством регулируется, прежде всего, *экономическая деятельность* граждан и юридических лиц, а не отношения между лицами, осуществляющими *предпринимательскую деятельность*, а также имущественные и личные неимущественные отношения. Такой подход в теории *гражданского права* основывается на том, что правоотношение является исходным началом правового регулирования *экономической деятельности*, а не конституционные и отраслевые права и обязанности ее участников. Несмотря на то, что гл. 2 ГК РФ называется «Возникновение гражданских прав и обязанностей, осуществление и защита гражданских прав», во всех учебниках *гражданского права* содержится глава о гражданских правоотношениях, в которой права и обязанности участников *экономической деятельности* рассматриваются как элемент правоотношения. При таком подходе теряется деятельностный характер прав и обязанностей индивидуальных предпринимателей и юридических лиц. Статьями 8–14 ГК РФ регулируется движение гражданских прав и обязанностей субъектов *экономической деятельности*, которые происходят не только в рамках обязательственных правоотношений, но и в рамках принадлежащего лицу субъективного права, например права собственности» [1, с. 35–44].

Как думается, для дальнейшего анализа столь небезынтесной цивилистической концепции необходимо осуществить краткий исторический экскурс. Как известно, ст. 2 ГК РФ указывает, что «гражданское законодательство регулирует отношения между лицами, осуществляющими *предпринимательскую деятельность*, или с их участием, исходя из того, что *предпринимательской* является самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в этом качестве в установленном законом порядке».

Однако в соответствии с правовой позицией, выраженной Конституционным Судом Российской Федерации в Постановлении от 24 февраля 2004 г. № 3-П, основой конституционно-правового статуса участников хозяйственных обществ, в частности акционеров акционерных обществ – юридических лиц, а также физических лиц, в том числе не являющихся *предпринимателями*, служит право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом *экономической деятельности*, которое реализуется через владение акциями, удостоверяющими обязательственные права ее владельца по отношению к акционерному обществу; при этом деятельность акционеров не является *предпринимательской* (она относится к иной не запрещенной законом *экономической деятельности*): *предпринимательскую деятельность* осуществляют не акционеры как таковые, а само акционерное общество [9].

Этот судебный акт можно без преувеличения охарактеризовать как важнейший шаг в части «легитимизации» *экономической деятельности* именно в рамках цивилистического анализа.

Очевидно, что Конституционный Суд России фактически и юридически установил наличие особого, отличного от *предпринимательской деятельности* процесса, который также осуществляется на началах риска. Статус этого Суда носит осо-

бый характер, ибо «решение Конституционного Суда Российской Федерации окончательно и не подлежит обжалованию... Решение Конституционного Суда Российской Федерации действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами. Юридическая сила постановления Конституционного Суда Российской Федерации о признании акта неконституционным не может быть преодолена повторным принятием этого же акта» (ст. 79 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации») [19]. В этой же статье указано, что «в случае, если решением Конституционного Суда нормативный акт признан не соответствующим Конституции Российской Федерации полностью или частично либо из решения Конституционного Суда, вытекает необходимость устранения пробела в правовом регулировании, государственный орган или должностное лицо, принявшие этот нормативный акт, рассматривают вопрос о принятии нового нормативного акта, который должен, в частности, содержать положения об отмене нормативного акта, признанного не соответствующим Конституции полностью, либо о внесении необходимых изменений и (или) дополнений в нормативный акт, признанный неконституционным в отдельной его части».

С момента вынесения этого Постановления Конституционного Суда № 3-П прошло более десяти лет, и можно констатировать наличие следующих принципиальных обстоятельств:

- законодатель явно не счел нужным дополнить ГК РФ либо принять специальный акт с целью фиксации дефиниции «*экономическая деятельность*» (некоторый юридический парадокс заключается в том, что такая обязанность в данном случае у федерального законодателя отсутствует);

- Конституционный Суд России, постоянно подчеркивая неизменность указанной выше правовой позиции, не уточнил содержание понятия «*экономическая деятельность*», а лишь «точечно», т.е. рассматривая конкретные обращения, привел иные примеры того, что считать такой деятель-

ностью (например, он отнес к ней деятельность участников общества с ограниченной ответственностью по «приобретению доли в уставном капитале общества и использовании своего имущества с целью получения дохода в виде части прибыли от деятельности общества» [10], а также «заключение гражданами договоров банковского вклада») [11].

И вновь специфичность ситуации усиливается ввиду того, что Конституционный Суд не обязан «подменять» органы законодательной власти и действует, как и надлежит судебному органу, в «рамках» конкретного обращения.

Теперь мы можем снова обратиться к анализу позиций специалистов в области гражданского права, подчеркнув, что им приходится разрешать очень трудную проблему, суть которой состоит, на наш взгляд, в следующем: при отсутствии легального определения экономической деятельности (или иных категорий, например «пассивное предпринимательство») наличие такой деятельности имеет место фактически (владение ценными бумагами, заключение гражданами договоров банковского вклада и т.п.).

В этом, как думается, состоит ценность приведенной нами концепции В.К. Андреева, который утверждает, что «юридическое лицо выполняет не только функцию участия в гражданском обороте. В нем все больше правового пространства занимают элементы управления деятельностью. Это субъекты экономической жизни общества. Внутри корпорации образуется гражданско-правовое сообщество (п. 2 ст. 181.1 ГК РФ), которое совместно или в рамках корпоративного договора участников хозяйственного общества влияет на деятельность юридического лица как участника экономической деятельности» [1, с. 35–44].

Не менее важными с точки зрения уяснения сущности анализируемого феномена нам представляются концепции и других цивилистов. Так, Т.В. Соيفер полагает, например, что некоммерческие организации являются «полноправными субъектами рыночных отношений и осуществляют экономическую деятельность, основ-

ная особенность которой состоит в ее неприбыльном характере. Они подразделяются на организации взаимной пользы, имеющие направленность на удовлетворение общих потребностей участников, и организации, созданные для достижения общественно полезных целей, деятельность которых обеспечивает интересы лиц, не являющихся их членами. В совокупности они составляют общественный (третий) сектор экономики, существующий наряду с государственным и коммерческим секторами» [16, с. 25, 26].

Как считает этот автор, «наиболее обоснованным представляется мнение тех, кто полагает, что предпринимательская и приносящая доход деятельность являются самостоятельными правовыми категориями, отражающими разные виды экономической деятельности» [17, с. 10]. Деятельность некоммерческих организаций, приносящая доход в результате производства и реализации товаров, оказания услуг, выполнения работ, не может быть отнесена к предпринимательской хотя бы потому, что изначально направлена не на получение прибыли, а на решение каких-либо общественно значимых вопросов. По сути, она имеет с предпринимательской чисто внешнее сходство, состоящее в том, что и та и другая приносят осуществляющему ее субъекту определенные материальные блага» [16, с. 26].

Специалисты в сфере предпринимательского права пишут о том, что для экономической деятельности «характерно то, что она вытекает из существования товарного производства; рыночной организации экономики; связана исключительно с процессом воспроизводства материальных благ, т.е. носит товарный характер; воплощается в создании (производстве) продукции (товара), в выполнении работ, оказании услуг материального характера и (или) их распределении и (или) их использовании (распределении, обмене, потреблении)»; они определяют экономическую деятельность «как процесс воспроизводства материальных и духовных богатств, включающий производство, распределение, обмен и потребление» [13, с. 18].

В целом мы согласны с тем, что «удачным следует признать достаточно широкое определение *экономической деятельности* как совокупности действий на разных уровнях хозяйствования, в результате которых люди удовлетворяют свои потребности посредством производства и обмена материальными благами и услугами» [6, с. 24–26].

И еще один аспект, который с учетом формата научной статьи мы лаконично охарактеризуем в нашей работе, призванной акцентировать внимание на необходимости изучения *экономической деятельности* именно в рамках цивилистического исследования. Нам представляется, что вышеизложенный материал позволяет утверждать, что, в силу «молчания» гражданского законодательства в отношении категории «*экономическая деятельность*», которая, безусловно, имеет место фактически и выделена в «юридическом пространстве» правовыми позициями Конституционного Суда России, у специалистов в области гражданского и предпринимательского права есть все основания участвовать в «заполнении» предложенной нам «правовой формы», в том числе вносить свои предложения об отнесении к категории *экономической* таких видов деятельности, как, например, деятельность инвестиционного товарищества [5, с. 45–51].

Другим перспективным направлением изучения *экономической деятельности* является ее анализ в контексте современных социальных, экономических и правовых факторов. Трудно, в частности, не согласиться с утверждением, что «преобладание гражданско-правовых институтов в системе правовых инструментов регулирования *экономической деятельности* не означает отстранение государства от регулирования рыночных отношений. Меняется лишь инструментарий управления в связи с усложнением способов сочетания различных методов в правовом регулировании, в том числе диспозитивного и административного способа воздействия на поведение субъекта *экономической деятельности*» [12, с. 5]. В определенной мере аналогичный подход можно наблюдать в трудах тех авторов, которые задаются

вопросом о том, что способствуют свободе *экономической деятельности*, утверждая, что такая свобода «должна признаваться только за экономически более слабой стороной, а не за доминирующим субъектом, который не имеет права отступать от цены, установившейся на рынке» [14, с. 15–19].

Итак, при отсутствии легального определения *экономической деятельности* (или иных категорий, например «пассивное предпринимательство») ее наличие фактически имеет место (владение ценными бумагами, заключение гражданами договоров банковского вклада и т.п.). Законодатель не счел нужным дополнить ГК РФ либо принять специальный акт с целью фиксации дефиниции «*экономическая деятельность*», а Конституционный Суд России не детализировал ее понятие, а лишь привел примеры того, что считать анализируемой деятельностью. Таким образом, по нашему мнению, у специалистов в области гражданского права есть все основания участвовать в заполнении такой лакуны доктринальными определениями, в том числе вносить свои предложения об отнесении к категории *экономической* конкретных видов деятельности.

Список литературы:

- [1] Андреев В.К. Юридические лица как субъекты экономической деятельности // Журнал российского права. 2016. № 5.
- [2] Белых С.В. Конституционно-правовое регулирование экономических процессов в отдельных государствах Европейско-Азиатского региона // Бизнес, Менеджмент и Право. 2016. № 1, 2.
- [3] Комментарий к Конституции Российской Федерации / Общ. ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996.
- [4] Координация экономической деятельности в российском правовом пространстве // К.М. Беликова, А.В. Габов, Д.А. Гаврилов и др. / Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Юстицинформ, 2015. – 656 с.
- [5] Николаева Т.А. Инвестиционное товарищество как форма осуществления экономической деятельности // Современное право. 2015. № 10.
- [6] Николаева Т.А. Правовое регулирование экономической деятельности в Российской

Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2015. № 12.

[7] Приказ Росстандарта от 31 января 2014 г. № 14-ст (ред. от 29.07.2016) «О принятии и введении в действие Общероссийского классификатора видов экономической деятельности (ОКВЭД2) ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2) и Общероссийского классификатора продукции по видам экономической деятельности (ОКПД2) ОК 034-2014 (КПЕС 2008)» // Экономика и жизнь (Бухгалтерское приложение). 30.05.2014. № 21.

[8] Попова Н.Ф. Связь экономической деятельности и административного права // Современный юрист. 2016. № 2.

[9] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2004 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент» и запросом Октябрьского районного суда города Пензы» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 2.

[10] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 мая 2010 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого статьи 2 Закона Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина Н.И. Гущина» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2010. № 5.

[11] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 22 июля 2002 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности ряда положений Федерального закона «О реструктуризации кредитных организаций», пунктов 5 и 6 статьи 120 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» в связи с жалобами граждан, жалобой региональной общественной организации «Ассоциация защиты прав акционеров и вкладчиков» и жалобой ОАО «Воронежское конструкторское бюро антенно-фидерных устройств» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2002. № 6.

[12] Право и экономическая деятельность: современные вызовы // Е.Г. Азарова, А.А. Аюрова, М.К. Белобабченко и др. / Отв. ред. А.В. Габов. М.: ИЗИСП, Статут, 2015. – 400 с.

[13] Предпринимательское право Россий

ской Федерации / Отв. ред. Е.П. Губин, П.Г. Лажно. М., 2010.

[14] Рыженков А.Я. Проблема целеполагания в российском антимонопольном законодательстве // Юрист. 2016. № 7.

[15] Сборник научных статей III Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы предпринимательского и корпоративного права в России и за рубежом» (25 апреля 2016 года, г. Москва) // Е.А. Абросимова, В.К. Андреев, Л.В. Андреева и др. / Под общ. ред. С.Д. Могилевского, М.А. Егоровой. М.: РАНХиГС при Президенте Российской Федерации. Юридический факультет им. М.М. Сперанского Института права и национальной безопасности, Юстицинформ, 2016. – 496 с.

[16] Соيفер Т.В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. № 1.

[17] Трачук О.В. Гражданско-правовое регулирование приносящей доход деятельности образовательного учреждения: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

[18] Уголовное право России. Части Общая и Особенная // В.А. Блинников, А.В. Бриллиантов, О.А. Вагин и др. / Под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2015. – 1184 с.

[19] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (ред. от 14.12.2015) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Российская газета. 23.07.1994. № 138–139.

Spisok literatury:

[1] Andreev V.K. Yuridicheskie lica kak sub»ekty' e'konomicheskoy deyatel'nosti // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 5.

[2] Bely'x S.V. Konstitucionno-pravovoe regulirovanie e'konomicheskix processov v otdel'ny'x gosudarstvax Evropejsko-Aziatskogo regiona // Biznes, Menedzhment i Pravo. 2016. № 1, 2.

[3] Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / Obshh. red. Yu.V. Kudryavceva. M., 1996.

[4] Koordinaciya e'konomicheskoy deyatel'nosti v rossijskom pravovom prostranstve // K.M. Belikova, A.V. Gabov, D.A. Gavrilov i dr. / Отв. ред. М.А. Егорова. М.: Yusticinform, 2015. – 656 с.

[5] *Nikolaeva T.A.* Investicionnoe tovarishhestvo kak forma osushhestvleniya e'konomicheskoy deyatel'nosti // *Sovremennoe pravo*. 2015. № 10.

[6] *Nikolaeva T.A.* Pravovoe regulirovanie e'konomicheskoy deyatel'nosti v Rossijskoj Federacii // *Konstitucionnoe i municipal'noe pravo*. 2015. № 12.

[7] *Prikaz Rosstandarta* ot 31 yanvarya 2014 g. № 14-st (red. ot 29.07.2016) «O prinyatii i vvedenii v dejstvie Obshherossijskogo klassifikatora vidov e'konomicheskoy deyatel'nosti (OKVE'D2) OK 029-2014 (KDES Red. 2) i Obshherossijskogo klassifikatora produkcii po vidam e'konomicheskoy deyatel'nosti (OKPD2) OK 034-2014 (KPES 2008)» // *E'konomika i zhizn' (Buxgalterskoe prilozhenie)*. 30.05.2014. № 21.

[8] *Popova N.F.* Svyaz' e'konomicheskoy deyatel'nosti i administrativnogo prava // *Sovremenny'j yurist*. 2016. № 2.

[9] *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* ot 24 fevralya 2004 g. № 3-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ot del'ny'x polozhenij statej 74 i 77 Federal'nogo zakona «Ob akcionerny'x obshhestvax», reguliruyushhix poryadok konsolidacii razmeshhenny'x akcij akcionernogo obshhestva i vy'kupa drobnny'x akcij, v svyazi s zhalobami grazhdan, kompanii «Kadet Isteblishment» i zaprosom Oktyabr'skogo rajonnogo suda goroda Penzy'» // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*. 2004. № 2.

[10] *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* ot 25 maya 2010 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti abzaca desyatogo stat'i 2 Zakona Rossijskoj Federacii «O zanyatosti naseleniya v Rossijskoj Federacii» v svyazi s zhaloboj grazhdanina N.I. Gushhina» // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*. 2010. № 5.

[11] *Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii* ot 22 iyulya 2002 g. № 14-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij Federal'nogo zakona «O restrukturizacii kreditny'x organizacij»,

punktov 5 i 6 stat'i 120 Federal'nogo zakona «O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)» v svyazi s zhalobami grazhdan, zhaloboj regional'noj obshhestvennoj organizacii «Associaciya zashhity' prav akcionerov i vkladchikov» i zhaloboj OAO «Voronezhskoe konstruktorskoe byuro antenno-fiderny'x ustrojstv» // *Vestnik Konstitucionnogo Suda RF*. 2002. № 6.

[12] *Pravo i e'konomicheskaya deyatel'nost': sovremennye vy'zovy'* // E.G. Azarova, A.A. Ayurova, M.K. Belobabchenko i dr. / *Otv. red. A.V. Gabov*. M.: IZiSP, Statut, 2015. – 400 s.

[13] *Predprinimatel'skoe pravo Rossijskoj Federacii* / *Otv. red. E.P. Gubin, P.G. Laxno*. M., 2010.

[14] *Ry'zhenkov A.Ya.* Problema celepola-ganiya v rossijskom antimonopol'nom zakonodatel'stve // *Yurist*. 2016. № 7.

[15] *Sbornik nauchny'x statej III Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii «Aktual'nye problemy' predprinimatel'skogo i korporativnogo prava v Rossii i za rubezhom»* (25 aprelya 2016 goda, g. Moskva) // E.A. Abrosimova, V.K. Andreev, L.V. Andreeva i dr. / *Pod obshh. red. S.D. Mogilevskogo, M.A. Egorovoj*. M.: RANXiGS pri Prezidente Rossijskoj Federacii. Yuridicheskij fakul'tet im. M.M. Speranskogo Instituta prava i nacional'noj bezopasnosti, Yusticinform, 2016. – 496 s.

[16] *Sojfer T.V.* E'konomicheskaya deyatel'nost' nekommercheskix organizacij i ee grazhdansko-pravovoe obespechenie // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2016. № 1.

[17] *Trachuk O.V.* Grazhdansko-pravovoe regulirovanie prinosyashhej doxod deyatel'nosti obrazovatel'nogo uchrezhdeniya: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. M., 2012.

[18] *Ugolovnoe pravo Rossii. Chasti Obshhaya i Osobennaya* // V.A. Blinnikov, A.V. Brilliantov, O.A. Vagin i dr. / *Pod red. A.V. Brilliantova*. 2-e izd., pererab. i dop. M.: Prospekt, 2015. – 1184 s.

[19] *Federal'ny'j konstitucionny'j zakon* ot 21 iyulya 1994 g. № 1-FKZ (red. ot 14.12.2015) «O Konstitucionnom Sude Rossijskoj Federacii» // *Rossijskaya gazeta*. 23.07.1994. № 138–139.

